

Хок Р. Спасибо за воспоминания // Хок Р. 40 исследований, которые потрясли психологию. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2006. С.193—205. (с сокращениями).

ПЕРРИ МЕЙСОН: Гамильтон, я думаю, моя клиентка говорит правду, когда рассказывает, что не находилась вблизи от места преступления.

ГАМИЛЬТОН БЁДЖЕР: Перри, почему Вы не хотите предоставить присяжным самим принимать решение?

ПЕРРИ МЕЙСОН: Потому что я не думаю, что будет судебное разбирательство. Вы ведь не имеете фактов. Все, что у вас есть, это косвенные улики.

ГАМИЛЬТОН БЁДЖЕР: Ну что ж, хорошо, Перри. Полагаю, самое время вам кое-что сказать. У нас есть человек, который видел все, Перри. Мы имеем свидетеля!

И словно под воздействием таинственного музыкального крещендо, мы знаем, что Перри Мейсону предстоит еще одно трудное дело. И хотя мы не без оснований уверены, что в конце концов Мейсон будет торжествовать, все же наличие даже единственного свидетеля преступления превращает слабое в фактическом отношении дело в почти неопровержимое для окружного прокурора. Почему показания свидетеля являются настолько сильным доказательством в криминальных делах? Причина состоит в том, что прокуроры, судьи, присяжные и обычная публика верят, что на самом деле человек вспоминает событие именно так, как оно реально происходило. Другими словами, считается, что память восстанавливает процесс события. Обычно мы уверены в достоверности человеческих воспоминаний. Психологи же, которые изучают память (когнитивные психологи), ставят это под сомнение.

Одна из ведущих исследователей в области памяти — Элизабет Лофтус (Elizabeth Loftus) из Вашингтонского университета — установила, что событие, воскрешаемое в памяти, восстанавливается неточно. В самом деле, то, что называется памятью, есть реконструкция реального события. Исследования Лофтус продемонстрировали, что при воспроизведении память использует новую и уже существовавшую информацию для заполнения пробелов в ваших воспоминаниях. Автор утверждала, что воспоминания не столь стабильны, как мы обычно полагаем, а неустойчивы и могут изменяться со временем. И когда вы рассказываете кому-нибудь о своем отпуске пятилетней давности, думая, что восстанавливаете в памяти события так, как они происходили, в действительности все было не совсем так. Вместо реального прошлого вы реконструируете воспоминания, используя информацию из многих источников, таких как ваши предыдущие многократные воспоминания об этом отпуске, другие случаи из того же или более поздних отпусков или из фильма, который вы смотрели в прошлом году (и который снимался в том же месте, где вы отдыхали), и так далее. Вы уверены, что все это правда, тем более если рассказывали этот случай в присутствии кого-то другого, кто был вместе с вами в то время. Просто удивительно, как сильно ваши истории могут расходиться с реальным событием, свидетелями которого были вы оба (в одно и то же время)!

Обычно такие изменения воспоминаний безобидны. Однако в судопроизводстве, где решение судьбы подсудимого может опираться на показания свидетелей, реконструкция воспоминаний может быть решающей. По этой причине большинство исследований Лофтус в области памяти связаны с судебными показаниями свидетелей. В своей ранней работе она обнаружила очень коварное влияние той словесной формы, в которую облечены задаваемые вопросы, на изменение воспоминаний людей. Например, если свидетеля автомобильной катастрофы спрашивают: «Вы видели разбитую переднюю фару?» или «Вы видели, что эта передняя фара были разбита?», то вопрос, содержащий определенное указание именно на эту фару, вызывает намного больше положительных ответов, чем неопределенный вопрос, даже если передняя фара вообще не была разбита. Придание определенности вопросу создало впечатление наличия разбитой фары, а это, в свою очередь, заставило свидетеля добавить новые черты к своим воспоминаниям о событии.

Обсуждаемая статья Э. Лофтус является одной из наиболее часто цитируемых, поскольку в ней сообщается о четырех взаимосвязанных исследованиях, благодаря которым был сделан очень существенный шаг вперед. В этих работах автор продемонстрировала, как словесная формулировка задаваемых свидетелям вопросов может изменять их воспоминания о событиях, когда им задают другие вопросы о тех же событиях некоторое время спустя. Обратите внимание, что эти исследования повлияли и на теорию конструирования воспоминаний, и на криминальное право.

Теоретические вопросы

Это исследование демонстрирует силу содержащихся в самом вопросе исходных посылок в деле изменения воспоминаний человека о событии. Лофтус определяет исходную посылку как условие, которое должно соответствовать истине, для того чтобы вопрос имел смысл. Например, предположим, вы стали свидетелем автомобильной катастрофы, и я спрашиваю вас: «Сколько людей было в ехавшей машине?». Вопрос предполагает, что машина ехала. А что если на самом деле машина не двигалась? Хорошо, на этот вопрос вы можете ответить как угодно, поскольку он не касался скорости движения машины. Однако Лофтус утверждает, что словесная формулировка вопроса может добавить в ваши воспоминания информацию о движении машины. В результате, если позднее вам будут задавать другие вопросы, скорее всего вы упомянете, что машина ехала. Лофтус выдвинула гипотезу: если очевидцам происшествия задают вопросы, содержащие ложную исходную посылку о происшествии, эта новая ошибочная информация может появиться впоследствии в более поздних ответах очевидцев. Поскольку три из четырех включенных в эту статью исследования содержали задание вспомнить событие через неделю после его возникновения, Лофтус с уверенностью утверждала, что реконструированные воспоминания с ошибочной информацией будут упорно существовать какое-то время.

Методика и результаты

Методика и результаты представлены совместно для каждого из четырех приведенных экспериментов.

Эксперимент 1

В первой работе 150 студентов небольшими группами смотрели фильм об автомобильной аварии, в которой столкнулись одна за другой пять машин. Катастрофа произошла потому, что водитель игнорировал стоп-сигнал и выехал на оживленную дорогу. Само происшествие длилось всего четыре секунды, а весь фильм шел менее минуты. После просмотра испытуемым раздали опросные листы, содержащие 10 вопросов. У половины испытуемых первым стоял вопрос: «Насколько быстро двигалась машина А (та машина, которая проехала стоп-сигнал), когда она проезжала стоп-сигнал?». У другой половины испытуемых первый вопрос читался так: «Как быстро ехала машина А, когда она повернула направо?». Остальные вопросы практически не представляли интереса для исследователя, за исключением последнего. Он был одинаковым для обеих групп: «Вы видели стоп-сигнал для машины А?».

В группе, которой первым был задан вопрос с упоминанием стоп-сигнала, 40 испытуемых (53 %) ответили, что видели его. В то же время в группе, где первым был вопрос о правом повороте, только 26 испытуемых (35 %) заявили, что видели стоп-сигнал. Различия были статистически значимыми.

Эксперимент 2

Следующая рассматриваемая работа стала первой из серии исследований, в которых Лофтус изучала отсроченные воспоминания. И только в этой работе в качестве события, наблюдаемого испытуемыми, не использовалась автомобильная авария. Сорок испытуемых смотрели трехминутный отрывок из фильма «Дневник Студенческой Революции». В нем было показано классное помещение, которое крушили 8 демонстрантов. После просмотра испытуемым выдали анкеты с 20-ю вопросами, касающимися этого фрагмента. Для половины испытуемых один из вопросов был сформулирован так: «Был ли лидер четырех демонстрантов, которые ворвались в класс, мужчиной?». Для другой половины: «Был ли лидер двенадцати демонстрантов, которые ворвались в класс, мужчиной?». Все остальные вопросы были одинаковыми в обеих группах.

Через неделю после первоначального опроса испытуемых обеих групп вновь пригласили и попросили ответить на 20 новых вопросов о фильме (без просмотра его заново). Вопрос, который являлся ключевым в исследовании, был следующим: «Сколько демонстрантов вы видели врывающимися в класс?». Напомним, что ранее обе группы испытуемых смотрели один и тот же фильм и отвечали на одинаковые вопросы, за исключением одного, в котором отличались только цифры: в одном фигурировали 12 демонстрантов, в другом — 4 демонстранта.

В группе с исходной посылкой о 12 демонстрантах было названо, в среднем, число 8,85. В другой группе, с информацией о 4 демонстрантах, среднее значение было равно 6,40. Различия также статистически значимы. Некоторые испытуемые вспомнили правильное число — 8. Этот эксперимент показал, что в среднем изменение словесной формулировки всего лишь одного вопроса изменяло воспоминания испытуемых об основных характеристиках события, очевидцем которого они были.

Эксперимент 3

Этот эксперимент был осуществлен, чтобы показать, как присутствие ложной исходной посылки в вопросах преобразует воспоминания очевидцев о событии и может привести к включению объектов, которых на самом деле не было. В этом эксперименте принимали участие 150 студентов университета. Они просмотрели короткий видеофильм об аварии, случившейся с белым спортивным автомобилем. Затем они ответили на десять вопросов по содержанию фильма. В вопросы для первой половины испытуемых был включен такой: «Как быстро двигалась по проселочной дороге белая спортивная машина, когда она проезжала мимо сарая?». Другой половине испытуемых был задан вопрос: «Как быстро ехала белая спортивная машина по проселочной дороге?» Как и в предыдущих исследовательских работах, испытуемые по прошествии недели ответили на 10 новых вопросов об аварии. Ключевым вопросом исследования был следующий: «Вы видели сарай?».

13 испытуемых (17,3 %) из той группы, где слово «сарай» присутствовало в вопросе, заданном неделю назад, ответили «Да» на этот вопрос.

Для сравнения — только двое (2,7 %) из другой группы, где неделю назад в вопросе слово «сарай» отсутствовало, ответили так же. Опять можно было констатировать значимые статистические различия.

Эксперимент 4

Последний эксперимент, приводимый в настоящей статье, был спланирован с особой тщательностью, так как преследовал две цели. Во-первых, Э. Лофтус хотела вновь продемонстрировать эффект реконструкции воспоминаний, открытого в эксперименте 3. Во-вторых, она хотела выяснить, будет ли упоминание об объекте, даже не включенное в качестве ложной исходной посылки, достаточным для встраивания его в воспоминания. Например, вам задают прямой вопрос: «Вы видели сарай?». А в фильме никакого сарая не было. Вероятно, вы ответите: «Нет». Но если вам зададут тот же вопрос неделю спустя, может ли случиться, что этот сарай вкрадется в ваши воспоминания о событии? Именно эту идею и хотела проверить Лофтус в четвертом эксперименте. Три группы по 50 испытуемых смотрели трехминутный фильм о проносящихся мимо машинах; фильм заканчивался сценой столкновения машины с детской коляской, которую катил мужчина. Все три группы испытуемых получили буклеты с вопросами о фильме. Эти буклеты отличались друг от друга следующим образом:

Группа D: «Группа прямых вопросов» получила буклеты (вопросники), содержащие 40 несущественных и пять ключевых вопросов, в которых прямо спрашивалось о несуществующих объектах. Например: «Вы видели сарай в фильме?».

Группа F: «Группа ложной исходной посылки» отвечала на те же 40 несущественных и пять ключевых вопросов, которые содержали в себе дезинформацию о том же несуществующем объекте. Например: «Видели ли вы фургон, припаркованный перед сараем?».

Группа C: Контрольная группа, получившая только 40 несущественных вопросов.

Неделю спустя испытуемые ответили на 20 новых вопросов о фильме. Пять вопросов в точности совпадали с пятью ключевыми вопросами, на которые давала ответы группа D неделей раньше. Таким образом, эта группа видела эти вопросы во второй раз. Измеряемой величиной служило количество испытуемых каждой группы, в процентах от общего числа участников группы, заявивших, что помнят несуществующий объект.

В табл. 1 представлены данные, полученные во всех трех группах. Напомним, что никакого школьного автобуса, грузовика, осевой линии на дороге, женщины, везущей коляску, или сарая в фильме не было.

Таблица 1

Появление реально не существовавших объектов в воспоминаниях испытуемых о показанном в фильме происшествии при использовании прямых вопросов и вопросов с ложной исходной посылкой

Прямой вопрос	Ложная посылка	Процент ответов «Да» на прямой вопрос неделю спустя		
		C	D	F
Вы видели школьный автобус в фильме?	Вы видели детей, садящихся в школьный автобус?	6	12	26
Вы видели грузовик в начале фильма?	Парковался ли в начале фильма грузовик вблизи машины?	0	8	22
Вы видели осевую линию на проселочной дороге?	Пересекала ли другая машина осевую линию на проселочной дороге?	8	14	26
Видели ли вы женщину, везущую коляску?	Переходила ли дорогу женщина, везущая коляску?	26	36	54
Вы видели сарай в фильме?	Видели ли вы фургон, припаркованный перед сараем?	2	8	18

C — контрольная группа

D — «группа прямых вопросов»

F — «группа ложной исходной посылки»

Среднее число, в процентах, тех испытуемых, которые дали ответ «Да» на прямые вопросы через неделю после первого опроса, было следующим: 29,2 % для «группы ложной исходной посылки», 15,6 % для «группы прямых вопросов» и 8,4 % для контрольной группы. Различия между группами D и F оказались статистически значимыми как по каждому из вопросов, так и по их совокупности. Однако имеющаяся аналогичная тенденция в различии между «группой прямых вопросов» и контрольной группой проявилась слабо и не дала статистически значимой разницы.

Обсуждение

На основании описанных выше и других исследований Лофтус доказала, что уточненная теория памяти и воспоминаний должна включать в себя рассмотрение процесса реконструкции, который возникает, когда в действительное воспоминание о событии встраивается новая информация. Простое

допущение, что воспоминание включает в себя только восстановление в памяти события, происходящее с различной степенью точности, не может объяснить тех открытий, которые сделаны в работах Лофтус. Для иллюстрации на рис. 1 сравнивается традиционное видение процесса воспоминаний и трактовка этого же процесса, предложенная Лофтус.

Как вы можете видеть, в теории Лофтус добавлен еще один шаг — встраивание новой информации в алгоритм процесса воспоминаний. Эта новая информация, в свою очередь, вызывает изменение или реконструкцию ваших реальных воспоминаний. Позднее, если вам будут заданы вопросы о событии, вы восстановите в памяти не реально существовавшее событие, а вашу реконструкцию его. Лофтус утверждала, что этот процесс реконструкции являлся причиной появления в воспоминаниях испытуемых таких не существовавших в реальном случае предметов, как сараи, школьные автобусы, грузовики, женщины с детскими колясками и осевая линия на дороге. Ложная посылка в заданных вопросах стала основой искажений информации, имевшейся первоначально после реальных событий — искажений, возникших в результате неосознанного встраивания новой информации.

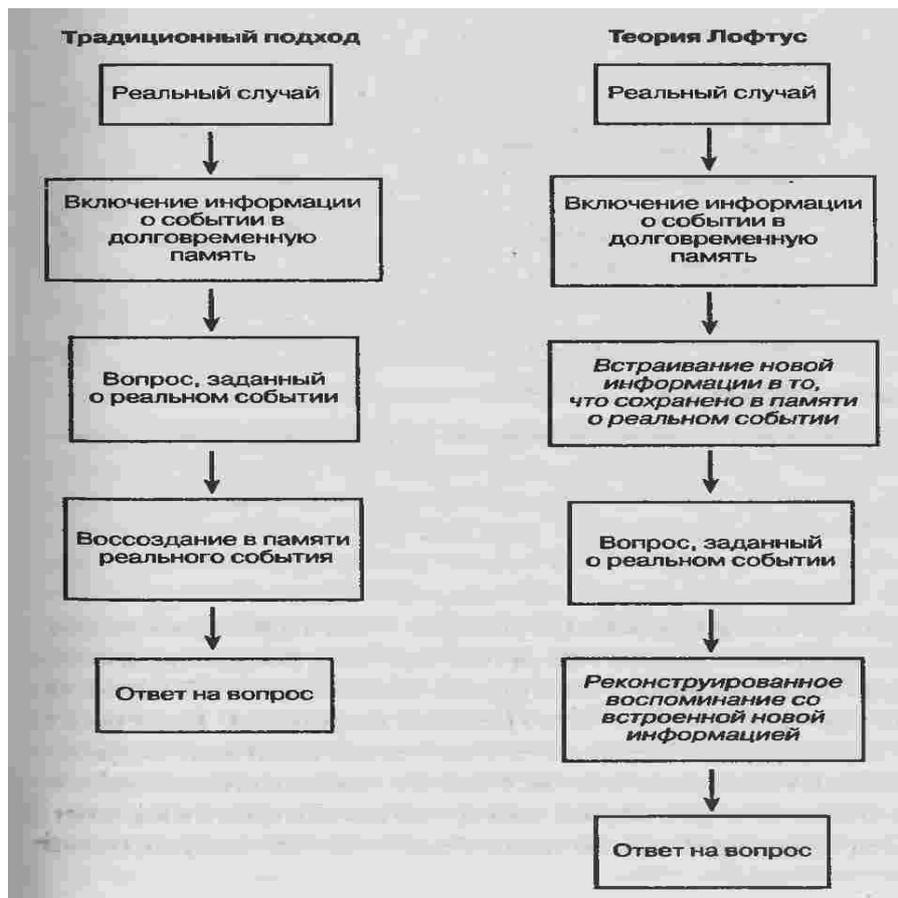


Рис. 1. Воспоминание о событии при ответе на вопрос

В свете этих данных Лофтус обращала внимание на особенности работы со свидетелями в расследовании преступлений. Она указывала, что часто опросы бывают многократными. Очевидцев события может опрашивать полиция на месте происшествия, им может задавать вопросы ведущий дело адвокат и новый опрос свидетелей — когда они дают показания в суде. Недопустимо, чтобы во время этих серий опросов была бы внедрена ложная посылка, хотя бы и ненамеренно. Обыкновенный, безобидный вопрос типа: «На что было похоже оружие того парня?» или «Где была припаркована угнанная машина?» приводит к увеличению шансов, что очевидцы вспомнят оружие или угнанную машину независимо от того, видели ли они их на самом деле (Smith & Ellsworth, 1987). Итак, хотя сам свидетель, адвокаты, судья и присяжные полагают, что очевидец восстанавливает в памяти виденное им в действительности, Лофтус утверждает, что воспоминания очевидца являются «преобразованием, основанным на измененных воспоминаниях» (с. 571).

Современные разработки

Работы Лофтус продолжают оказывать глубокое влияние на исследования, связанные с изучением показаний свидетелей. В одной из работ, ссылающихся на статью Лофтус 1975 года, изучалось негативное влияние намеренно усложненных вопросов со стороны юристов на такие характеристики, как уверенность свидетелей в себе и точность их ответов. (Kebbell & Giles, 2000). Все испытуемые просмотрели одинаковую видеозапись неких событий, и по прошествии недели «очевидцам» задали вопросы о том, что они видели. Половине испытуемых вопросы были заданы в форме, поистине сбивающей с толку (вы знаете, как это бывает в речи юристов: «Это неправда, что...?»). Другой половине испытуемых были заданы те же по сути вопросы, но сформулированные просто и четко. Результаты предельно ясны: испытуемые-очевидцы, которым задавали запутанные вопросы, были менее точными и менее уверенными в своих ответах, чем испытуемые другой подгруппы, где вопросы задавались в четкой однозначной форме.

В другом, многостраничном исследовании, основанном на работе Лофтус, было проанализировано, что же именно средний человек — тот, кого вполне могли бы выбрать в присяжные, — «знает» о показаниях очевидцев (Shaw, Garcia & McClure, 1999). Испытуемые «отвечали, что их собственный здравый смысл и опыт повседневной жизни были самыми главными источниками для суждения о точности показаний очевидца» (с. 52). Такое суждение, с точки зрения его научной обоснованности, приводит в серьезное замешательство: не только показания очевидцев весьма ненадежны, но и присяжные совершенно несведущи в вопросе о том, как им оценивать точность показаний свидетелей!

Помимо продолжения исследований в области свидетельских показаний, Элизабет Лофтус в наше время является одним из ведущих экспертов в горячей дискуссии по поводу вытесненных воспоминаний детства. В этих дебатах по одну сторону баррикад — те люди, которые заявляют, что пережили жестокое обращение, особенно в сексуальном плане; но они вспомнили о пережитых оскорблениях только недавно, нередко под воздействием психотерапевта, так как травматические воспоминания были вытеснены из сознания. По другую сторону — те, кому предъявлены обвинения в жестоком обращении. Но эта сторона категорически отрицает вину и, в свою очередь, заявляет, что воспоминания жертв о жестокости либо являются плодом фантазии, либо встроены в процессе терапии. Эта проблематика непосредственно относится к области исследований Лофтус по воспоминаниям. Книга Лофтус «The Mith of Repressed Memories: False Memories and Allegations of Sexual Abuse» сводит воедино все открытия автора в этой области и связывает их общей аргументацией. В основном, Лофтус утверждает следующее, показывая, что может это продемонстрировать по данным целого ряда работ: вытесненных воспоминаний просто не существует. Действительно, она находится в первых рядах психологов, которые изучают понятие подсознания во всей его полноте. Лофтус свидетельствует о регулярно повторяющихся в различных экспериментах данных: особо травматичные воспоминания имеют тенденцию запоминаться лучше всего. И все же клиницисты часто приводят такие случаи вытесненных воспоминаний об оскорблении, которые «поднимаются на поверхность» во время специфических и интенсивных форм терапии. Как можно примирить эти две очевидно противоположные точки зрения? Согласно Лофтус, возможны три объяснения искажения воспоминаний, которое клиницисты воспринимают как признак вытеснения (Loftus, Joslyn & Polage, 1998). Во-первых, раннее сексуальное оскорбление может быть просто забыто, а не вытеснено. Лофтус ссылается на исследование, подтверждающее, что дети, не воспринимая сущность сексуального события как потенциально оскорбительного, имеют тенденцию слабо запоминать его. Во-вторых, возможно, люди, проходящие курс терапии, только говорят, что они забыли травмировавшее событие, но в действительности они никогда не забывают его. Желание избежать мыслей о чем-либо отличается от факта — забыть об этом. И наконец, Лофтус утверждает: некоторые люди «могут верить, что особое травматичное событие произошло и было вытеснено, тогда как на самом деле оно не происходило вообще. При некоторых обстоятельствах некая комбинация искаженных фактов могла привести к ситуации, которая интерпретируется как вытеснение» (с. 781).

Нетрудно представить, что позиции Лофтус по вытесненным и обретенным снова воспоминаниям имеют критиков (например: Pezdek & Roe, 1977). Кроме всего, ее неприятие значения такого механизма, как вытеснение, находится в прямой оппозиции моделям психологии и разума, существующим со времен Фрейда. Более того, многие врачи и жертвы жестокого обращения кровно заинтересованы в том, чтобы продолжать верить: воспоминания человека об обиде могут быть вытеснены на годы и позже восстановлены. Однако тщательное прочтение научных работ Лофтус никак не поддерживает такого рода веру.

Заключение

Многие считают Элизабет Лофтус лидером в области исследования реконструкции воспоминаний и свидетельских ошибок. Ее исследования в данной сфере продолжают. Ее открытия уже многие годы бросают вызов традициям, и это поддерживают и другие исследователи.

Среди психологов и юристов-профессионалов теперь мало кто сомневается, что показания очевидцев подвержены влиянию множества источников ошибок, например интеграции информации, имеющей место после события. Благодаря исследованиям самой Лофтус и других психологов, сила и достоверность показаний очевидцев в судебных процессах вызывают серьезные вопросы. Элизабет Лофтус имеет большой авторитет как эксперт по работе со свидетелем (обычно ее приглашают в интересах защиты). Ее приглашают, чтобы показать присяжным, с какой тщательностью нужно подходить к оценке воспоминаний очевидцев.

В последней книге Лофтус пишет: «Я изучаю память, и я скептик» (Loftus & Ketcham, 1994, p. 7). Вероятно, и мы все должны быть таковыми.